

О.К. Павленко*

УГОЛЬНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД (1922–1928 гг.)

В статье рассматриваются проблемы развития угольной промышленности Дальнего Востока в 1920-е гг., выявляются условия и особенности функционирования угольных предприятий в период восстановления народного хозяйства. Автор приходит к выводу, что, несмотря на трудности, актуальные для угольной отрасли Дальнего Востока в 1922–1928 гг., региональному руководству удалось осуществить полный переход угледобычи в государственный сектор, разрешить наиболее остро стоявшие проблемы и таким образом заложить основы для дальнейшего роста угольной промышленности региона.

Ключевые слова: Дальний Восток, угольная промышленность, восстановление экономики, НЭП

The coal industry of the Soviet Far East during the reconstruction period, 1922–1928. OLEG K. PAVLENKO (Institute of History, Archaeology and Ethnography of Peoples of Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)

The article is devoted to the development of the coal industry in the Soviet Far East during the 1920s. The author identifies the conditions and features of the functioning of coal enterprises during the period of economic reconstruction. It is concluded that, despite the difficulties that were relevant for the coal industry of the Soviet Far East from 1922 to 1928, the regional authorities managed to carry out a complete transition of coal mining to the public sector, resolve the most acute problems and thus lay the foundation for the further growth of the coal industry in the region.

Keywords: Soviet Far East, coal industry, restoration, economic reconstruction, New Economic Policy

Угольная промышленность Дальнего Востока традиционно занимала ключевое положение в топливно-энергетическом комплексе региона и являлась одним из факторов его успешного развития, обеспечивая основные потребности населения, промышленности, армии и флота. Революционные потрясения 1917 г. и начавшаяся за ними Гражданская война повлекли за

собой крайне разрушительные последствия для всего народного хозяйства страны. На Дальнем Востоке частые смены правительств, партизанская борьба, иностранная интервенция привели к тому, что негативное воздействие событий данного периода стало особенно ощутимым: разорванные хозяйственные связи с экономическим центром, падение производительности

* ПАВЛЕНКО Олег Константинович, аспирант Отдела истории Дальнего Востока России Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: pav181096@mail.ru

© Павленко О.К., 2021

труда, тяжелое финансовое положение – все это поставило ряд отраслей, в том числе угольную, на грань выживания. После окончательного установления советской власти в регионе в 1922 г. перед краевыми властями стала задача самостоятельного восстановления промышленного потенциала дальневосточной угледобычи, без непосредственной помощи союзного центра, который в то время не располагал значительными средствами для инвестирования.

В отечественной историографии освещены вопросы функционирования угольной промышленности Урала и Сибири в годы новой экономической политики (НЭП) [1; 6]. Топливная индустрия Дальнего Востока в указанный период также являлась объектом рассмотрения как в диссертационных исследованиях [2; 15], так и в многочисленных статьях [4; 7; 8; 11; 12; 13; 14]. Однако до сих пор остаются малоизученными такие аспекты истории отрасли, как модернизация шахтного фонда, подготовка кадров, использование китайской рабочей силы, сворачивание частного сектора в индустрии. Без их исследования невозможно формирование целостного представления об истории угледобычи в регионе.

В данной статье автором ставится задача выявить и проанализировать условия и особенности развития угольной промышленности Дальнего Востока в годы восстановления народного хозяйства, дать характеристику важнейшим проводимым мероприятиям, направленным на реконструкцию и дальнейшую модернизацию отрасли.

Источниковой базой исследования являются неопубликованные архивные материалы, выявленные в фондах региональных архивов. Основной массив изученных документов составляют годовые отчеты о деятельности предприятий, доклады горных инженеров, акты и сведения об охране труда, пятилетние планы развития индустрии, постановления местных органов власти.

Восстановительный период на Дальнем Востоке начался значительно позже, чем в центральных регионах страны, лишь после окончания Гражданской войны в 1922 г. К этому времени ряд предприятий остановил свою работу, регион понес большие демографические потери, общие убытки дальневосточной экономики составили 603 млн руб. золотом. В целях преодоления кризиса первоочередной задачей стала инкорпорация местной экономики в единую советскую экономическую систему. Несмо-

тря на то, что к маю 1923 г. на Дальнем Востоке была завершена организация дальневосточных органов хозяйственного управления и регион стал частью народно-хозяйственного комплекса страны, перед руководством Дальневосточной области оставался ряд специфических региональных проблем [5, с. 135].

Неравномерность размещения промышленности и трудовых ресурсов Дальнего Востока, слаборазвитая логистическая сеть обусловили различие в темпах восстановления. Наиболее быстро процесс шел в Приморье, где было сконцентрировано большинство предприятий и значительная часть природных ископаемых, в т.ч. угольных. Реализация дальневосточным руководством восстановительных мер проходила в условиях ужесточения политического режима, подразумевавшего безусловное следование установкам центра на местах. При этом курс на НЭП, провозглашенный на X съезде РКП(б), позволил для форсирования темпов восстановления использование частного капитала, в результате чего 87,9% промышленных предприятий Дальневосточной области в 1923 г. являлись частными.

В годы НЭП основной акцент был сделан дальневосточным руководством на восстановлении «валютных» отраслей, способных обеспечить дополнительный приток средств в регион, среди них важное место занимала угольная отрасль. С целью получения детальной информации о текущем состоянии угольной промышленности по распоряжению Дальревкома к январю 1923 г. было проведено обследование предприятий, показавшее, что значительная их часть не располагала оборотными средствами, гарантированным рынком сбыта и имела минимальный фонд оплаты труда [5, с. 136].

В 1923 г. угольная индустрия Дальнего Востока была представлена государственными Сучанскими копиями, самыми крупными и технически оснащенными, 21 частным предприятием в Приморье, плохо оборудованными Кивдинскими копиями в Приамурье, а также шахтами Северного Сахалина, которые до 1925 г. находились в зоне японской оккупации. Заметное положение в отрасли в первые годы восстановления занимал частный сектор (табл. 1), что было обусловлено особенностями политики, проводимой краевыми органами власти. В 1923 г. на V Дальневосточной конференции, а затем на III пленуме Приморского Губисполкома было заявлено, что присутствие частного капи-

тала в промышленности является необходимым и полностью оправданным на текущем этапе по причине невозможности наладить в короткие сроки государственное производство. После долгой дискуссии о необходимости мер поддержки частника была сформулирована окончательная позиция краевого руководства: не оказывать прямого содействия частному капиталу, но и не создавать условий для его вынужденной самоликвидации [2, с. 139].

Однако отказ от немедленного сворачивания частной угледобычи в Приморье сопровождался национализацией крупнейших предприятий, что позволило госсектору занять ведущее положение в экономике, так на основании декрета ВСНХ от 10 апреля 1923 г. были национализированы Зыбунные копи. Частной инициативе были оставлены мелкие, малопроизводительные рудники, где добыча производилась кустарными методами: подъем в корзинах, конные ворота, переноска угля вместо откатки, основной контингент при этом составляла низкоквалифицированная китайская рабочая сила, русские же шахтеры составляли меньше четверти от общего числа. Несмотря на то, что данная ситуация способствовала снижению уровня добычи на частных копиях, они все же смогли составить конкуренцию государственным и снизить себестоимость угля до уровня дореволюционной – 7,2–7,5 коп. за пуд, в отличие от Сучана, который терпел убытки по 4 коп. на пуд (Российский

государственный исторический архив Дальнего Востока, далее – РГИА ДВ. Ф. Р-208. Оп. 1. Д. 12. Л. 4об., 7, 8).

В конце 1923 г. обозначилась тенденция постепенной ликвидации частного сектора, которая включала как прямое административное давление, так и создание неблагоприятных экономических условий. Проверки, выявлявшие серьезные нарушения в работе частных предприятий (нарушение трудового законодательства, ненадлежащие жилищные условия, отсутствие медицинской помощи), давали основания для закрытия частновладельческих рудников. В июне 1923 г. была прекращена деятельность четырех частных предприятий, в 1924 г. национализированы Тавричанские и Липовецкие копи. Стоит отметить, что в большинстве случаев национализация встречала поддержку со стороны шахтеров из-за более тяжелых условий труда на частных копиях по сравнению с государственными [2, с. 141].

Значительно ухудшились экономические условия функционирования частного сектора. В феврале 1924 г. был введен запрет на экспорт угля с частных копей в Маньчжурию, который привел к перенасыщению внутреннего рынка и последующему падению продажных цен. В условиях ограниченности оборотных средств и отсутствия поддержки со стороны государства началось массовое закрытие предприятий частной углепромышленности, в 1925 г. остава-

Таблица 1

Добыча угля на предприятиях Приморья, тыс. тонн

	1923 г. (с 01.01. по 01.10)		1923/1924 г.		1924/1925 г.	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
Государственные копи	254 561,58	50,4	369 522,67	67,4	506 535,12	83,7
Частные копи	250 048,23	49,6	178 472,81	32,6	98 361,9	16,2
Всего	494 781,81	100	547 995,49	100	604 897,02	100

Источник: ГАХК. Ф. Р-877. Оп. 1. Д. 1. Л. 35.

лось только одно частное предприятие – Краеугольно-Спасовский рудник. Данная тенденция привела к окончательному утверждению монополии государства в отрасли еще до того, как руководством страны было объявлено о сворачивании НЭП (Государственный архив Хабаровского края, далее – ГАХК. Ф. Р-877. Оп. 1. Д. 1. Л. 38).

1 октября 1925 г. указом Президиума ВСНХ СССР создан трест «Примуголь», объединивший под собой все крупные угледобывающие предприятия Приморья (Сучанские, Зыбунные (с 31 октября 1924 г. Артемовские), Тавричанские и Липовецкие копи) [2, с. 141].

Согласно Уставу, утвержденному Дальревкомом 11 апреля 1924 г., государственные копи должны были осуществлять свою деятельность на принципах хозрасчета [4, с. 21]. В новых условиях встала задача поиска дополнительного притока средств для поддержания угледобывающих предприятий, важнейшей мерой для этого стал экспорт угля на внешний рынок. Экспортные операции с приморским углем, в первую очередь сучанским, встретили ряд сложностей: высокая себестоимость вследствие слабо развитой логистической сети, сильная конкуренция на международном рынке, плохое качество бурых углей края. К 1926 г. вывоз угля на иностранные рынки был прекращен вследствие малой рентабельности, не оправдав возложенных ожиданий. Тем не менее, в 1923–1926 гг. в условиях кризиса сбыта на внутреннем рынке экспорт позволил избежать сворачивания отрасли, сохранив потенциал крупнейшего Сучанского предприятия [3, с. 24].

Наиболее важными вопросами в деле восстановления отрасли и ее последующего развития являлись ремонт и техническое переоснащение угольных предприятий. За годы Гражданской войны на Сучане в ветхое состояние пришли стволы шахт, завалились штрека, пораженные грибок рудничные постройки оказались на грани полного разрушения – данные обстоятельства, осложненные обширными геологическими нарушениями самого месторождения, обусловили резкое падение уровня добычи – более чем в два раза по сравнению с дореволюционным периодом. Копи работали в убыток: только в 1924 г. потери составили 84 тыс. руб. На Зыбуне положение обстояло не лучше: котельное хозяйство эксплуатировалось больше установленного срока и было малоэффективным по причине плохой изоляции от ох-

лаждения, запасные механизмы хоть и были в излишнем количестве, но отличались плохим качеством и разнокалиберностью, подъемные машины требовали срочного ремонта. Общая сумма затрат для приведения в пригодное для эксплуатации состояние одних только Сучанских копей составляла около 1 млн руб. По причине отсутствия таких средств в крае было решено произвести лишь жизненно необходимые работы, причем преимущественно использовать средства, получаемые от эксплуатации предприятия. Новый объем работ был оценен в 330 250 руб. за 1923 г. (РГИА ДВ. Ф. Р-208. Оп. 1. Д. 2. Л. 34об., 60, 61об.; Д. 30. Л. 10).

Фактически с 1 февраля по 1 октября 1923 г. руководству копей удалось организовать работ на сумму 143 833 руб., были восстановлены ствол и штреки на шахте № 2 Сучана, сортировочные и погрузочные на шахте № 10, закончено оборудование шахты № 3 «Капитальная»; при этом предприятие не смогло приобрести вагоны для погрузки, восстановить рудничное хозяйство, провести разведочные работы хотя бы в минимальном объеме. Причинами сложившегося положения являлся не только дефицит средств, но и острый недостаток квалифицированной рабочей силы. На Зыбунном руднике была оборудована шахта № 8, установлена подъемная машина на шахте № 6, удлинены подъездные пути, произведена частичная замена котельного хозяйства (РГИА ДВ. Ф. Р-208. Оп. 1. Д. 2. Л. 62; Д. 30. Л. 94).

Данные мероприятия хоть и не решили всех насущных проблем крупнейших приморских копей, однако позволили нарастить добычу, практически достигшую дореволюционного уровня, и обеспечить потребности восстанавливаемого народного хозяйства края.

Добыча на приамурских Кивдинских копях производилась с помощью штолен, всего на предприятии их насчитывалось четыре, но в рассматриваемый период функционировали только две. Несмотря на свое благоприятное расположение, 230 верст до Благовещенска и 460 верст до Хабаровска, а также связь с ж/д магистралью подъездными путями, предприятие находилось в состоянии глубокого кризиса. Причинами сложившейся ситуации были, во-первых, крайне плохое качество местных залежей, не удовлетворявшее потребителей (приходилось смешивать уголь с дровами в соотношении 2/3 угля и 1/3 дров); во-вторых, высокие железнодорожные тарифы, которые при

учете первого фактора не позволяли кивдинскому углю конкурировать с дровами. В результате копи работали практически для одного потребителя, Уссурийской ж/д (табл. 2), так и не сумев наладить сбыт для частных потребителей (РГИА ДВ. Ф. Р-208. Оп. 1. Д. 2. Л. 33; ГАХК. Ф. Р-877. Оп. 1. Д. 1. Л. 24).

Общая загрузка Кивдинских копей составляла 70% производственной мощности, предприятие работало без четких сметных заданий, вынуждено было держать излишнюю рабочую силу. При этом стоит отметить, что положение рабочих на руднике было крайне неудовлетворительным, подавляющее большинство угольщиков были местными крестьянами. Данное обстоятельство обусловило как низкий уровень квалификации, так и высокий процент прогулов в период полевых работ: так, если зимой он составлял 15%, то в июле возрастал до 48% (ГАХК. Ф. Р-1151. Оп. 1. Д. 2. Л. 87об., 88).

В 1925 г. руководством треста «Примуголь» был поднят вопрос о сворачивании добычи на Кивдинских копах и организации нового угледобывающего предприятия в Амурской губернии. В качестве подходящего места было выбрано уже обследованное и разведанное бу-

роугольное месторождение вблизи ст. Архары, добыча на котором должна была способствовать снижению цены на уголь до 21–22,6 руб., тогда как цена на дрова была выше 30 руб. Однако большой приток воды требовал закладки вертикальных шахт, что вело как к усложнению эксплуатации, так и к удорожанию работ, чего не требовалось на Кивде. Итоговая сумма обустройства нового предприятия была определена в 420 тыс. руб., что являлось неподъемной для региона суммой, и проект был фактически свернут на данном этапе (ГАХК. Ф. Р-877. Оп. 1. Д. 1. Л. 66, 67).

Развитие углепромышленности на Дальнем Востоке выдвинуло необходимость организации профессиональной подготовки кадров. 5 октября 1923 г. на Сучане была создана районная школа горнозаводского ученичества им. Артема (Горнзавуч) на 40 человек, расширенная впоследствии до 81 человека. Школа позволила впервые начать выпуск квалифицированных проходчиков, забойщиков, столяров и пр.

Весь период своего функционирования Горнзавуч испытывал хронический дефицит преподавателей, учебных принадлежностей, оборудования, спецодежды, что значительно

Таблица 2

Структура сбыта дальневосточного угля с 01.04. 1924 г. по 01.04. 1925 г., тыс. тонн

Потребители	Приморская губерния	Амурская губерния
Железные дороги	168 959,7	58 230,9
Флот	45 045,0	-
Военное ведомство	13 104,0	-
Промышленность	88 615,8	3 325,1
Наркоматы и организации	30 565,1	-
Население	101 326,7	884,5
Экспорт	89 402,0	-
Всего	556 674,3	62 440,6

Источник: РГИА ДВ. Ф. Р-208. Оп. 1. Д. 2. Л. 39.

снижало качество учебного процесса. Горнзавуч не смог полностью охватить весь контингент рабочих приморских предприятий, в 1926–1927 гг. 58 подростков не Сучане не получало профессионального образования. Помимо этого, из числа самих учащихся лишь малая часть проявляла желание остаться работать в тресте. Тем не менее, создание школы позволило заложить основы подготовки кадров для угольной промышленности, а в дальнейшем обеспечить краевые предприятия квалифицированными кадрами в должном объеме (РГИА ДВ. Ф. Р-208. Оп. 1. Д. 101. Л. 29, 29об., 80, 119).

В 1925–1926 гг. трест «Примуголь» продолжил работы по поддержанию промышленного потенциала крупнейших предприятий: на Сучане было налажено котельное хозяйство, произведен ремонт паровых насосов, на Артеме построены два машинных здания, котельная, механическая сортировка, на Тавричанке для единственной действующей шахты приобрели машин, оборудования и транспорта на сумму более 15 тыс. руб. (РГИА ДВ. Ф. Р-208. Оп. 1. Д. 19. Л. 1, 2об.; Ф. Р-321. Оп. 1. Д. 3. Л. 1а, 1а-об.).

В целом в 1926 г. процесс модернизации приморской угледобычи был завершен, возможности краевых властей и руководства предприятий были исчерпаны. Согласно данным по обследованию треста «Примуголь» комиссией ВСНХ СССР в 1927 г., тресту с момента создания не было предоставлено необходимых оборотных средств, общее превышение кредиторской задолженности перед реальными активами в 1925 г. составляло 147 тыс. руб., за первый год деятельности сумма выросла до 1 млн. 581 тыс. руб., сохранялась стабильная задолженность рабочим и служащим (РГИА ДВ. Ф. Р-208. Оп. 1. Д. 99. Л. 21, 43).

Осуществление дальнейшей модернизации угольной промышленности края было невозможно без привлечений средств из центра. Необходимо было перейти от частичного ремонта к организации регулярного снабжения новыми машинами и механизмами. Без масштабного технического переоснащения предприятия топтались на месте, степень износа оборудования достигала 70%, шахты едва справлялись с существующей нагрузкой [16, с. 4]; (РГИА ДВ. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 3. Л. 55, 55об.).

В 1926 г. инженерно-техническим персоналом треста «Примуголь» был составлен детальный план развития приморских предприятий на ближайшее пятилетие. Согласно документу, в

Приморье предполагалась организация новых каменноугольных Константиновских копей. Реализация данного проекта позволила бы нарастить экспорт сучанского угля на внешний рынок, заменив его на внутреннем константиновским. При условии благоприятного развития нового предприятия приморский уголь мог бы занять прочное место и на рынке Северной Маньчжурии, что в итоге сделало бы экспорт рентабельным для Дальневосточного края (РГИА ДВ. Ф. Р-208. Оп. 1. Д. 1. Л. 20об.).

Кроме того, реконструкция отрасли и ее дальнейшее развитие требовали электрификации приморских предприятий. 10 ноября 1925 г. Дальэкопоставило вопрос о переходе копей с паровой на электрическую энергию, в связи с чем актуализировалась необходимость строительства Сучанской электростанции. Тогда же аппаратом треста был составлен план дальнейшей реконструкции отрасли и высчитан примерный объем затрат на переоборудование, строительство подъездных путей, разведку и жилые постройки для Сучанских, Артемовских, Липовецких и Константиновских копей. Общая сумма за 5 лет должна была составить 8 млн 172 тыс. руб. [9, с. 93, 98]; (РГИА ДВ. Ф. Р-208. Оп. 1. Д. 1. Л. 22об.).

После вывода японских войск с Северного Сахалина 15 мая 1925 г. под контролем государства оказались практически все крупные угледобывающие предприятия Дальнего Востока. 18 июня 1925 г. для обследования рудников острова было создано Управление горного округа. Ряд проведенных экспедиций показал, что угольная промышленность Северного Сахалина находилась в глубочайшем кризисе: техническое оснащение предприятий было значительно хуже, чем в Приморье; недостаток рабочей силы также ощущался гораздо сильнее, чем на материке. В данных условиях началось постепенное восстановление угольной промышленности острова, уже в конце 1925 г. были начаты работы на руднике у мыса Рогатого, в 1925–1928 гг. развернуты масштабные геолого-исследовательские работы [15, с. 127–129].

В условиях НЭПа первоочередной задачей в вопросе развития сахалинской угледобычи стала организация экспорта коксующихся каменных углей острова как на внешний рынок, в Китай, так и на внутренний, в район Амурского речного бассейна, где потребность в сахалинском угле оценивалась в 108 500 тонн. Однако сдерживающими факторами в решении

этой проблемы являлись неудобство транспортировки угля до побережья, а также отсутствие нормальной портовой инфраструктуры для хранения топлива: в течение года количество благоприятных дней для погрузки не превышало ста, морской транспорт не справлялся с имеющимися объемами, в результате топливо хранилось в ненадлежащих условиях и теряло в качестве (ГАХК. Ф. Р-1228. Оп. 1. Д. 93. Л. 20, 25).

В 1925 г. краевыми специалистами была высказана идея о модернизации порта Александровск, который являлся наиболее благоприятным для организации погрузки. Помимо углубительных работ у пристани для вмещения судов большого тоннажа планировалось соединить порт подъездными путями с основными угледобывающими предприятиями. Общая сумма затрат должна была составить 15 млн руб., что являлось неподъемной суммой на данном этапе (ГАХК. Ф. Р-877. Оп. 1. Д. 1. Л. 82, 83).

Наиболее оснащенным угольным предприятием Северного Сахалина являлся Дуйский рудник, сданный Японии в концессию, что было одним из условий вывода ее войск с острова. С 1925 по 1931 гг. добыча на одних Дуйских копях превышала суммарную добычу на всех советских сахалинских рудниках [10, с. 164]. Причиной сложившейся ситуации являлось то, что в 1926–1928 гг. концессионеру в отличие от советской администрации удалось провести ряд значительных технических улучшений шахт: была построена электростанция, установлены 2 котла и 2 турбонасоса, сооружена подвесная канатная дорога от наклонной шахты к угольному складу, обустроены электрические подъемные лебедки, насосы и компрессор (ГАХК. Ф. Р-1228. Оп. 1. Д. 124. Л. 9).

Дуйский рудник опережал государственные копи также и по ряду других показателей, таких как уровень заработной платы, качество условий труда, снабжение продовольствием и промтоварами. Следствием сложившегося положения стал неконтролируемый переход рабочих на предприятие концессионера, что в условиях дефицита кадров подрывало и без того небольшой потенциал развития государственной угледобычи [10, с. 104]. С целью разрешения данной ситуации 1 апреля 1927 г. было принято постановление Далькрайсовнархоза об организации государственной каменноугольной промышленности на о. Сахалин. Предполагалось создание мощного государственного топливно-энергетического сектора, способного

обеспечить региональные потребности. К концу года после проведения реконструкции были введены в эксплуатацию Рогатинские копи (ГАХК. Ф. Р-1228. Оп. 1. Д. 93. Л. 10).

За годы восстановления руководству угольных предприятий так и не удалось окончательно решить вопрос с обеспечением рудников рабочей силой. Острый дефицит трудовых ресурсов на Дальнем Востоке, усилившийся после окончания Гражданской войны, обусловил широкое использование труда «восточных» рабочих, в первую очередь китайцев. Наиболее активное использование данной категории рабочих отмечалось в добывающей промышленности. Низкий уровень технической оснащенности приморских шахт и преобладание ручного труда позволяли как частным, так и государственным предприятиям прибегать к массовому использованию китайских шахтеров, на ряде предприятий они составляли абсолютное большинство (табл. 3).

Основные трудности, связанные с использованием данной категории рабочих, заключались в их крайне низкой квалификации, как упоминалось выше, а также в высокой текучести кадров. В летний период значительная часть китайских горняков покидала предприятия, вследствие чего на шахтах так и не сформировался постоянный рабочий контингент. Так, на артемовский рудник в первом квартале 1928 г. устроилось 870 человек, из них вскоре уволился 701 человек, 90% из этого числа составляли китайцы (Государственный архив Приморского края, далее – ГАПК. Ф. П-14. Оп. 1. Д. 21. Л. 80).

Самыми распространенными причинами прогулов среди китайских рабочих были карточные игры и опиокурение. К 1928 г. руководство треста так и не смогло поставить под полный контроль китайские артели на предприятиях и, как следствие, начать борьбу с выше-названными злоупотреблениями. Руководство артелей, преследовавшее, как правило, только цели извлечения прибыли, попустительствовало в отношении как морального разложения рабочих, так и постоянных конфликтов среди них, в т.ч. и с русскими шахтерами. Вмешательство китайского инструктора как представителя рудкома и смена руководителя артели не приводили к серьезным изменениям в данный период. В 1928 г. партийным руководством Артема была предложена идея ликвидировать китайские артели и перевести китайских шахтеров на

Рабочий контингент на угольных предприятиях Приморья в 1924 г.

Предприятия	Общее число занятых	Число иностранных рабочих	Доля иностранных рабочих от общего числа занятых, в %
Сучанские копи	2191	642	29,3
Артемовские копи	938	757	80,7
Всего на государственных копиях	3129	1399	44,7
Всего на частных копиях	1550	1231	73,4
Всего	4679	2630	56,5

Источник: РГИА ДВ. Ф. Р-208. Оп. 1. Д. 12. Л. 3об.

индивидуальную работу, уравнивая с русскими, однако специфические сложности со снабжением продовольствием и одеждой не позволили воплотить эту идею (РГИА ДВ. Ф. Р-208. Оп. 1. Д. 3. Л. 47; ГАПК. Ф. П-14. Оп. 1. Д. 21. Л. 12, 75, 75об.).

В годы восстановления народного хозяйства немалые усилия были направлены на улучшение жилищно-бытовых условий, ежегодно выделялись средства на жилищное строительство. Возведение домов производилось также и индивидуальным способом, самими рабочими. Однако проводимая политика не привела к существенным изменениям, качество жилищных условий на протяжении всего периода оставалось низким: имеющийся жилой фонд (табл. 4) не удовлетворял растущие потребности в обеспечении жильем шахтеров, значительная его часть была ветхой. На Сучане 41% зданий требовал капитального ремонта, еще 5% никакому ремонту не подлежали. В Артеме половину всех жилых построек составляли бараки. На Кивдинских копиях в 1925 г. 10% жилья приходилось на землянки (ГАХК. Ф. Р-877. Оп. 1. Д. 1. Л. 27, 41, 42).

Таким образом, на первоначальном этапе восстановления угольной промышленности Дальнего Востока в 1922–1925 гг. усилиями региональной власти были преодолены основные последствия разрухи времен Гражданской войны: достигнут дореволюционный уровень производства, проведена частичная реконструкция шахтных фондов крупнейших предприятий, заложены основы подготовки кадров. Однако к 1926 г. потенциал для роста был исчерпан, самостоятельно ни руководство треста, ни руководство региона не могло осуществить комплексную модернизацию всей отрасли. В дальнейшем развитие осуществлялось путем наращивания добычи с использованием устаревшей техники, изношенных машин и тяжелого физического и низкоквалифицированного труда, что уже не могло обеспечить растущие потребности в угле. Для осуществления перехода на более высокий уровень производства требовались вливание значительных финансовых средств, масштабное техническое перевооружение, обеспечение рудников достаточным количеством рабочей силы. Все это было возможно лишь при оказании помощи центром.

Жилищный фонд дальневосточных угледобывающих предприятий в 1925 г.

	Кол-во жилых построек	Общая жилплощадь, в м ²
Сучанские копи	269	24 815,45
Артемовские копи	96	11 243,14
Кивдинские копи	-	5 183,56

Источник: ГАХК. Ф. Р-877. Оп. 1. Д. 1. Л. 27, 41, 42.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баканов С.А. Угольная промышленность Урала: жизненный цикл отрасли от зарождения до упадка. Челябинск, 2012.

2. Быструшкин А.Ю. Государственная политика и частный капитал в сфере развития угольной промышленности на Дальнем Востоке во вт. пол. XIX в. – 20-е гг. XX в.: дис. ... канд. ист. н. Комсомольск-на-Амуре, 2010.

3. Быструшкин А.Ю. Экспорт дальневосточного угля в Китай в 20-е гг. XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–1. С. 22–24.

4. Галлямова Л.И., Платонова Н.М. Сучанский каменноугольный рудник в условиях смены модели развития Дальнего Востока СССР: от новой экономической политики к централизованной экономике // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2021. № 4. С. 19–28.

5. Дальний Восток России в эпоху советской модернизации: 1922 – начало 1941 года / Отв. ред. Л.И. Галлямова. Владивосток: Дальнаука, 2018.

6. Заболотская К.А. Угольная промышленность Сибири (конец 1890 – начало 1990-х гг.). Кемерово, 1995.

7. Маклюков А.В. Дальневосточная угольная промышленность в условиях Гражданской войны и интервенции 1918–1922 гг. (на примере Сучанских копей) // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. № 18. С. 66–77.

8. Маклюков А.В. Сучанская узкоколейная железная дорога (1904–1935) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 3. С. 258–262.

9. Маклюков А.В. Электрификация российского Дальнего Востока (конец XIX – середина XX вв.). Владивосток, 2018.

10. Марьясова Н.В. Иностраный капитал на Дальнем Востоке России в 20–30-е годы (концессии и концессионная политика Советского государства). Владивосток, 2000.

11. Медведев П.Я. Перспективы развития каменноугольной промышленности на Дальнем Востоке в предстоящее пятилетие (1925/26 – 1929/30 гг.) // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1925. № 6. С. 35–61.

12. Медведев П.Я. Развитие каменноугольной промышленности ДВК на период 1926–1936 гг. // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1927. №. 1–2. С. 270–286.

13. Пак В.С. К вопросу о каменноугольной промышленности Приморья // Экономическая жизнь Приморья. 1924. № 1. С. 1–12.

14. Платонова Н.М., Синиченко В.В. Социально-экономическое развитие Сучанского каменноугольного рудника в 1920-е гг. в документах Государственного архива Хабаровского края // Вестник архивиста. 2021. № 3. С. 816–826.

15. Тетюева М.В. История формирования и развития угольной промышленности на Сахалине: середина XIX в. – 1945 г.: дис. ... канд. ист. н. Владивосток, 2003.

16. Целищев М.И. Перспектива планового строительства ДВК // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1927. № 1–2. С. 3–16.

REFERENCES

1. Bakanov, S.A., 2012. Ugol'naya promyshlennost' Urala: zhiznennyi tsykl otrasli ot zarozhdeniya do upadka [Coal industry of Ural: the life cycle of the industry from the emergence to decline], dissertatsiya doktora istoricheskikh nauk. Chelyabinsk. (in Russ.)

2. Bystrushkin, A.Yu., 2010. Gosudarstvennaya politika i chastnyi kapital v sfere razvitiya ugol'noi

promyshlennosti na Dal'nem Vostoke vo vtoroi polovine XIX – 20-e gg. XX v. [State policy and private capital in the field of development of the coal industry in the Russian Far East in the late XIXth century – 1920s], dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk. Komsomol'sk-na-Amure. (in Russ.)

3. Bystrushkin, A.Yu., 2008. Eksport dal'nevostochnogo uglya v Kitai v 20-e gg. XX v. [Export of Far Eastern coal to China in the 1920s], Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 4-1, pp. 22–24. (in Russ.)

4. Gallyamova, L.I. and Platonova, N.M., 2021. Suchanskii kamennougol'nyi rudnik v usloviyakh smeny modeli razvitiya Dal'nego Vostoka SSSR: ot novoi ekonomicheskoi politiki k tseentralizovannoi ekonomike [Suchan coal mine under the change of the development model of the Soviet Far East: from a new economic policy to a centralized economy], Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure go-sudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, no. 4, pp. 19–28. (in Russ.)

5. Gallyamova, L.I. ed., 2018. Dal'nii Vostok Rossii v epokhu sovetskoi modernizatsii: 1922 – nachalo 1941 goda [Russian Far East in the era of Soviet modernization, 1922 – early 1941]. Vladivostok: Dal'nauka. (in Russ.)

6. Zabolotskaya, K.A., 1995. Ugol'naya promyshlennost' Sibiri (konets 1890 – nachalo 1990-h gg.) [Coal industry of Siberia (late 1890s – early 1990s)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. (in Russ.)

7. Maklyukov, A.V., 2018. Dal'nevostochnaya ugol'naya promyshlennost' v usloviyakh Grazhdanskoi voiny i interventsii 1918–1922 gg. (na primere Suchanskikh kopei) [The Far Eastern coal industry in the conditions of the Civil War and intervention of 1918–1922 (the case of Suchan mines)], Trudy instituta istorii, arheologii i etnografii DVO RAN, no. 18, pp. 66–77. (in Russ.)

8. Maklyukov, A.V., 2016. Suchanskaya uzkokoleinaya zheleznaya doroga (1904–1935) [Suchan narrow-gauge railway, 1904–1935], Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke, no. 3, pp. 258–262. (in Russ.)

9. Maklyukov, A.V., 2016. Elektrifikatsiya rossiiskogo Dal'nego Vostoka (konets XIX – seredina XX vv.) [Electrification of the Russian

Far East (late XIXth – mid-XXth century)]. Vladivostok: Izd-vo DVFU. (in Russ.)

10. Mar'yasova, N.V., 2000. Inostrannyi kapital na Dal'nem Vostoke Rossii v 20–30-e gody (kontsessii i kontsessionnaya politika Sovetskogo gosudarstva) [Foreign capital in the Russian Far East in the 1920s and 1930s (concessions and concession policy of the Soviet state)]. Vladivostok. (in Russ.)

11. Medvedev, P.Ya., 1925. Perspektivy razvitiya kamennougol'noi promyshlennosti na Dal'nem Vostoke v predstoyashchee pyatiletie (1925/26–1929/30 gg.) [Prospects for the development of the coal industry in the Soviet Far East in the coming five years (1925/26–1929/30)], Ekonomicheskaya zhizn' Dal'nego Vostoka, no. 6, pp. 35–61. (in Russ.)

12. Medvedev, P.Ya., 1927. Razvitie kamennougol'noi promyshlennosti DVK na period 1926–1936 gg. [Development of the coal industry of the Far Eastern Krai in 1926–1936], Ekonomicheskaya zhizn' Dal'nego Vostoka, no. 1–2, pp. 270–286. (in Russ.)

13. Pak, V.S., 1924. K voprosu o kamennougol'noi promyshlennosti Primor'ya [On the issue of the coal industry of Primorye], Ekonomicheskaya zhizn' Primor'ya, no. 1, pp. 1–12. (in Russ.)

14. Platonova, N.M. and Sinichenko, V.V., 2021. Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Suchanskogo kamennougol'nogo rudnika v 1920-e gg. v dokumentakh Gosudarstvennogo arkhiva Khabarovskogo kraia [Socio-economic development of the Suchan coal mine in the 1920s in the documents of the State Archives of the Khabarovsk Territory], Vestnik arkhivista, no. 3, pp. 816–826. (in Russ.)

15. Tetyueva M.V., 2003. Istoriya formirovaniya i razvitiya ugol'noi promyshlennosti Sakhalina: seredina XIX v. – 1945 g. [The history of the formation and development of the coal industry in Sakhalin, mid-XIXth century – 1945], dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk. Vladivostok. (in Russ.)

16. Tselishchev, M.I., 1927. Perspektiva planovogo stroitel'stva DVK [The prospect of planned construction in the Far Eastern Krai], Ekonomicheskaya zhizn' Dal'nego Vostoka, no. 1–2, pp. 3–16. (in Russ.)

